

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И РАЙОНИРОВАНИЕ ГОРОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКОЙ ГЕОГРАФИИ (1920–1980-е гг.)

© 2023 г. К.А. Страхов

Фонд развития городского самоуправления «1870», Санкт-Петербург, Россия

Институт географии РАН, Москва, Россия

e-mail: k-strakhov@yandex.ru

В научной литературе бытует мнение, что внутригородское районирование не имеет традиции в отечественной географии. В статье опровергается это заблуждение: собрана и систематизирована библиография работ советских географов по дифференциации и районированию города, изучено формирование основных направлений исследований. Как показывает автор, на первом этапе (сер. 1920-х – сер. 1930-х гг.) разрабатываются общие теоретические принципы дифференциации города, территориальные, социальные и культурные различия рассматриваются во взаимосвязи, исследования носят междисциплинарный характер с ведущей ролью краеведения («географии места»). На втором этапе (сер. 1930-х – нач. 1960-х гг.) в условиях ужесточения идеологических ограничений районирование сводится к анатомии города: районирование материальное пространство, комплексные исследования редуцированы в функциональные, социальные и гуманитарные вопросы отвергнуты, взгляды географов обращены в прошлое. Складываются четыре направления районирования города: промышленно-, историко-, физико- и экономико-географическое (плановое), первое и последнее из которых не нашли продолжения за пределами периода. Социализация и гуманизация исследований на третьем этапе (нач. 1960-х – кон. 1980-х гг.) формируют запрос на изучение физиологии города, ведётся поиск измеримых дифференцирующих признаков, но общепринятая методология районирования не выработана. В статье подчёркнута актуальность идей ведущих исследователей (Н.П. Анциферова, В.В. Покшишевского, Н.Е. Дика и др.), которые подчас опережали своё время.

Ключевые слова: внутригородское районирование, дифференциация городского пространства, микрогеография города, георбанистика, город, район, советская география.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-2-8

Введение и постановка проблемы. Существует мнение, что внутригородское районирование не имеет отечественной традиции. Неполнота знаний о наследии приводит к необоснованным выводам, что «районирование таких малых объектов как внутригородские территории не успело занять значимого места в советской, а позже в российской географии» [42, с. 21]. Цель статьи – предложить систематическое представление о зарождении и развитии исследовательских подходов к внутригородскому районированию в советской географии. Для этого автор попытался решить ряд задач: поиск и обобщение научных работ, посвященных внутригородской территориальной дифференциации и районированию; выявление тенденций развития; периодизация и типология основных направлений исследований; составление первичной библиографии по внутригородскому районированию.

Обзор ранее выполненных исследований. Город – один из старейших объектов районирования. Летописные известия о частях городов (детинце и подоле древнего Киева, сторонах и концах Новгорода и др.) с древности фиксируют сложившуюся дифференциацию территории города и самоорганизацию внутригородского расселения. Академический библиотекарь А.И. Богданов (1751) дотошно описывает не только верхний ярус микрогеографии Петербурга (5 сторон), но и нижний: 13 слобод, 8 светлиц («солдатских слобод») и 17 «урочищ мест», характеризуя специфические состав и занятия населения [9]. Немецкий путешественник И. Рихтер в конце XVIII в. охотнее рассуждает о «старом» делении Москвы, чем о новом «по порядку полиции» [43]. Географ и статистик В.П. Андросов (1832) свидетельствует, что «устройство и разделение Москвы общеизвестны» [1, с. 19] и измеряет площадь

исторических районов. От описания к объяснению переходит классик районирования В.П. Семёнов-Тян-Шанский (1910) в анализе закономерностей внутригородского расселения в Петербурге (развитие военной слободы севернее Петропавловской крепости, слобод дорожных мастеровых вдоль выездных магистралей, сохранение специализации слобод в топонимике и др.) [50, с. 188–193].

Опыты перехода к районированию встречаются уже в начале XIX в., причём в малом городе: историк Н.С. Сумароков (1805–1812) делит Кострому до екатерининской перепланировки на пять качественно своеобразных частей (внутренняя часть, Китай, предместье или посад, заречные монастыри, слободы) [52].

Как географический метод выявления и/или выделения районов внутригородское районирование зарождается в 1920–1930-е гг., требования времени определяют дисбаланс прикладного и познавательного подходов¹. Прикладные работы (социоконструктивное районирование городов в рамках районной планировки, градостроительное зонирование, внутригородское АТД и т.д.) востребованы управленческой практикой превентивного преобразования территориальной структуры города. Передовые с современных научных позиций опыты познавательного районирования не востребованы плановой экономикой и централизованным управлением обществом и рассматриваются как отвлечённые. Попытки практического преломления познавательных исследований (А.А. Минц) безуспешны.

Обзоры развития микрогеографии города (О.А. Константинов [23], О.И. Вендина [12], В.А. Лазаренко [26]) приводят к мысли, что дихотомический дисбаланс подходов провоцирует неопределённость места внутригородского районирования в науке. Характерно признание О.А. Константинова (1964): «нет полной ясности <...> какие вопросы внутренней территориальной структуры города относятся: а) целиком к планировке, б) одновременно и к планировке, и к микрогеографии, в) целиком к микрогеографии города» [23, с. 38]. Эта неопределённость наряду

со спецификой (локальность объектов неизбежно ставила под сомнение значимость исследований), идеологическими рамками и отсутствием обобщающих работ стали причинами недооценки отечественного наследия внутригородского районирования.

Материалы и методика исследования.

В статье рассмотрены труды по познавательному районированию города², выявленные нами в собрании Российской национальной библиотеки и архивном фонде О.А. Константинова³. Исследование выполнено синтезом историко-географического метода и источниковедческого анализа. Избранный хронологический период позволяет проследить динамику в строгих идеологических рамках, сохранявшихся с момента зарождения исследований до переломных событий перестройки, последующие исследования будут рассмотрены в отдельной статье.

Полученные результаты

I период (зарождение и поиск методологии). Предтечей познавательного районирования города стали теоретические работы по территориальной дифференциации города, выполненные в сер. 1920 – сер. 1930-х гг.

Историк И.М. Гревс и культуролог Н.П. Анциферов, не являясь по специальности географами, работали в парадигме краеведения, трактуемого как «география места»⁴, ключевая работа И.М. Гревса «Городские ландшафты (этюды из культурной географии)» опубликована в сборнике по географической педагогике. И.М. Гревс (1925) призывал к «штудированию частей города», указывая на повсюдность «специфически окрашенных» частей («концы», улицы, острова»), в которых заметны особенности расселения «по сословным, классовым, профессиональным, национальным признакам», отражённые «в их архитектурной обстройке» [13, с. 81]. Определяя естественно сложившиеся районы города как «урочища» (вслед за А.И. Богдановым), он видел в их различиях отражение «хозяйственной деятельности и социальной борьбы» [14, с. 128]. Н.П. Анциферов (1926) оспаривал перенос город-

¹ Термины Б.Б. Родомана [44, с. 4].

² Прикладные труды требуют отдельного изучения во взаимосвязи с городской политикой в СССР, что показано нами в исследовании принципов административного районирования Ленинграда в 1936 г. [51].

³ ЦГА СПб. Ф. Р-3303.

⁴ Подход сформулировал географ В.П. Буданов (1926): «изучить край – значит географически его обследовать» [10, с. 134–135].

ских исследований из *анатомии* (положение, план, материальная структура) в *физиологию* (социальные функции города и внутригородская социальная борьба) [4, с. 24]. Транспозируя на город современные ему открытия И.П. Павлова⁵, Н.П. Анциферов дифференцировал изучение материального (тело) и социального (организм), показал их взаимосвязи и призвал к комплексному подходу. Демонстрируя пример такового, он предположил узловую принцип районирования и открыл полицентризм города: «наряду с ядрами, организовавшими город, можно вскрыть в нём ряд других ядер, создавших свои кварталы, но вокруг которых не могли бы вырасти самостоятельные города» [там же, с. 49]. По мысли Н.П. Анциферова «каждый самостоятельно образовавшийся район имеет своё ядро, а может быть и несколько ядер» – завод, учебное заведение, «социальный узел» (вокзал, трамвайный парк, цирк и т.д.). «Исследуя план города, нужно выяснить назначение всех его районов» [там же], – указывал Анциферов, обнаружив в Москве «тяготение различных учреждений к определённым районам в зависимости от их характера» [там же, с. 19].

Взгляды краеведов нашли географическое развитие в пионерских работах по территориальной дифференциации города, опубликованных В.В. Покшишевским в журнале «Советское краеведение»⁶. Призывая рассматривать город не как точку, но как территорию (эта идея неизменно повторяется и в последующих работах), учёный (1929) ставил вопрос о разработке методов и приёмов внутригородской географии. Признавая город, прежде всего, «хозяйственным комплектом», он считал объектом районирования хозяйственный ландшафт, отражающий экономические функции района, и предлагал зарубежную методологию (в частности, центрографию). Утверждая, что «деление на рабочие фабрично-заводские «кварталы»; торговые «улицы» и т.д. существует в сознании каждого горожанина» [38, с. 37], делал провидческий шаг к ментальной географии. В анализе формирования территориальной структуры Ленинграда В.В. Покшишевский (1931) проследил влияние гидрографии, транспортных артерий, стоимости земли, административных мер на освоение территории, в том числе

функциональное зонирование и кластеризацию промышленности. Считая, что специализацией районов обусловлено «заполнение «ткани города» населением» [36, с. 21], он призывал к социализации исследований, неотделимых «от коммунального хозяйства, от бытовых вопросов и от анализа социальных взаимоотношений внутри города в самом широком их значении» [там же, с. 14].

Внутригородское районирование как географический метод манифестировано в докладе О.А. Константинова I Всесоюзному географическому съезду (Ленинград, 1933). Заявив, что «работа по районированию Москвы или Ленинграда гораздо важнее, чем по районированию Якутии» [25, с. 89] в силу значения объектов для народного хозяйства, он назвал определение принципов микрогеографического районирования городов среди пяти важнейших научных проблем географии городских поселений. Политика индустриализации определяет задачу районирования: размещение производительных сил в пределах городской территории, включая (по О.А. Константинову) не только индустрию, но также коммунальное хозяйство (как её отрасль) и социальную инфраструктуру (обеспечивает работоспособность основной производительной силы – трудящихся). Подход и цель заданы объектом районирования: прикладной обосновывает структуру новых городов, познавательный – постепенную реконструкцию старых. Районирование не ограничено городской чертой и должно охватывать «особый экономический район, образуемый городом и его окрестностями» [там же, с. 93], т.е. агломерацию.

Следствием запроса на определение принципов исследований стали идеологические ограничения, выразившиеся сначала в публичной полемике, затем в директивных запретах. Идеологическая критика передовых научных идей столкнула даже близких товарищей: О.А. Константинов (1934) относил работы В.В. Покшишевского к «буржуазному экономическому направлению», утверждая, что обращения к зарубежной методологии (центрография, учение Вебера, дезурбанизм и пр.) «не только совершенно обесценивают его попытки подойти к разработке городских проблем с экономгеографической точки зрения, но и создают в головах неиску-

⁵ Неслучайно анатомия и физиология репрезентуют свои объекты географическим языком атласов.

⁶ Первая статья опубликована в возрасте 24 лет (!).

шённых читателей вредную антимарксистскую путаницу»⁷ [24, с. 27]. Печально известное «дело географов» [17], ликвидация краеведческих организаций и журнала «Советское краеведение» [22] репрессивно пресекали социально-гуманитарную парадигму в исследованиях города. Н.П. Анциферов, сумевший сохранить подход в нише литературоведения (в исследовании структуры «Петербурга Достоевского»), как градовед констатировал поражение: «К сожалению, мы не нашли ни понимания, ни продолжателей <...>. Город как особый организм не изучался никем» [5, с. 509].

II этап (районирование как анатомия города). В условиях ужесточения ограничений комплексные исследования редуцируются в функциональные, районирование материального пространства, расселение рассматривается в статике, социальные и гуманитарные вопросы отвергнуты, взгляды географов обращены в прошлое. Задачи исследований определил Н.Н. Баранский (1946): «осмыслить связи между функцией, выполняемой каждой отдельной частью города, и особенностями её положения и природных условий, иначе говоря, географически осмыслить сложившееся внутреннее районирование города» [6, с. 51].

Промышленно-географическое районирование (В.В. Покшишевский)

Подчинение задачам индустриализации демонстрирует кандидатская диссертация В.В. Покшишевского по промышленному районированию Ленинграда (1941). Опираясь на обширные исторические, картографические и статистические материалы, он проследил влияние локальных природно-географических условий на освоение внутригородских территорий и выделил 14 промышленных районов. Отмечая, что «наша экономгеография несомненно отстала, как в области перехода к более «мелким» (хотя при этом по своему значению весьма крупным) территориальным феноменам, так и в области применения историко-генетических методов исследования» [40, с. 5], автор работы апеллирует к прошлому: «экономгеогра-

фическая («в «микромасштабах») по своей задаче, она черпает значительную часть своего материала в области градостроительных дисциплин и истории города, а по методу должна быть пронизана историко-динамическим подходом»⁸ [там же]. В.В. Покшишевский успел защитить диссертацию 26 июня 1941 г.⁹ Целый ряд факторов: начало войны, отсутствие основополагающей монографии (рекомендация об издании выполнена не была, краткая статья вышла лишь в 1950 г. [39]), сворачивание лозунга индустриализации ограничили развитие направления.

Историко-географическое районирование (Ю.Г. Саушкин, Н.И. Ляликов, В.В. Покшишевский, В.В. Анненков и др.)

Обращение к исторической традиции в военные и послевоенные годы (800-летие Москвы в 1947 г.) реабилитировало историко-географическое районирование города, восходящее к краеведческим истокам. В статье «Микрогеография Москвы» Ю.Г. Саушкин на основе анализа географических, исторических и градостроительных различий описал 14 микрорайонов в пределах Садового кольца и один «окраинный микрорайон» (Хамовники) [45]. Для районирования города в целом предлагались разные критерии: для центра – барьеры (стены Кремля, Китай-города, Земляного города, крупные улицы и др.) и функциональная специализация района («политический штаб», «московский Сити», «торговая», «университетская» и т.д.), для периферии – индивидуальные черты поселений, поглощённых городской чертой. В тексте статьи прослеживается универсальный метод дифференциации – визуальное восприятие облика районов: «неразличимыми друг от друга», «хорошо виден», «видные с большого расстояния», «на этой площади хорошо видно» – примеры только с одной страницы [там же, с. 33]. Районы пронумерованы, описаны по границам и часто лишены топонима: не названные прямо Хамовники фигурируют в статье как «территория, расположенная в меандре Москвы-реки, к юго-западу от Кремля, между рекой и Садовым кольцом» [там же, с. 42].

⁷ Опасная по содержанию, но сдержанная по форме критика. Для сравнения: Л.Я. Зиман на пленарном заседании I географического съезда громил «книжонку Покшишевского, в которой протаскивается самая настоящая веберовщина» [18, с. 127].

⁸ Курсив В.В. Покшишевского.

⁹ Через несколько дней В.В. Покшишевский ушёл на защиту Ленинграда, получил контузию на фронте. Успеть в этом случае – большое дело: как известно, материалы диссертации И.М. Маергойза безвозвратно погибли при пожаре в Киеве в 1941 г.

Как «пространственные особенности облика городской территории, её различия от места к месту» представлял микрогеографию города Н.И. Ляликов (1949). На примере Коломны он выделил четыре района по времени освоения (древнейший район, старый город, новый город, новейшие районы). Полагая, что части города дифференцированы «по своему социальному содержанию и его внешнему проявлению», он считал определение различий «основным по объёму и центральным по своему значению» в характеристике материального облика города [29].

Развитие направления от анатомии к комплексному подходу позволяют проследить переиздания монографии Ю.Г. Саушкина «Москва» под редакцией Н.Н. Баранского, в которую районный сюжет вошёл отдельной главой. Название и объём главы корректируются от издания к изданию: «Особенности внутренней географии Москвы» (1950), 21 с. [46], «Внутренняя география Москвы» (1953), 23 с. [47], «Внутренние различия Москвы» (1955), 31 с. [48], «Районы Москвы» (1964), 29 с. [49]. Данная в первом издании краткая характеристика во втором развивается как путеводитель, третье издание возвращается к географическому описанию и впервые затрагивает АТД, четвёртое выходит за пределы центра и включает экономико-географическое районирование города в целом. В последнем издании Ю.Г. Саушкин существенно расширил комплекс признаков районной дифференциации: географическое положение относительно рек и железных дорог, культурно-политические и экономические функции, занятия населения, планировка, застройка, внешний облик, различия природных условий, смена исторических условий (особенно многократная). Заявлена задача районирования: «рассмотреть взаимные связи этих частей, создающих единство города» [там же, с. 192]. Важно, что уже в первом издании районы обретают исторические топонимы (напр.: Арбатская часть Земляного города).

Дальнейшее развитие виделось советским географам в гуманизации дифференцирующих признаков через формализацию визуальных приёмов анализа облика города. В.В. Покшишевский (1957) определил типологические черты отдельных частей города, предложил понятия «городского ландшафта» (искусственной географической среды)

и «городских пейзажей» (его визуально выражаемых черт), отмечал сходство микрогеографии городов близких производственных профилей, периодов исторического развития, природно-географических условий [37]. В.В. Анненков (1978) ставил вопрос о поиске «городов-ключей», отражающих исторические типы территориальной организации города на разных этапах развития [2, с. 41].

Гуманизация исследований позволила сохранить направление в географии и краеведении. Идеи Н.И. Ляликова и В.В. Покшишевского хронологически опередили концепцию образа города К. Линча (1960), лежащую в основе внутригородского вернакулярного районирования.

Физико-географическое районирование (Н.Е. Дик, А.И. Соловьёв, В.И. Монахова, И.М. Маергойз, С.М. Лукоянов, А.Г. Исаченко и др.)

В конце 1940-х гг. складывается физико-географическое направление. Н.Е. Дик и А.И. Соловьёв (1949) проводят геоморфологическое и орографическое районирование Москвы [16, с. 168–188]. Если 4 геоморфологических района (и 11 подрайонов) индцированы специальными терминами, то 9 орографических районов (и 21 подрайон), соответствующие междуречьям Москвы и её притоков, «для удобства описания» обусловлены топонимикой города (Коптевский, Кунцевский, Сретенский и т.д.).

Наследие борьбы с «единой географией» затрудняет интеграцию физической географии в экономгеографию города. Характерно, что вывод о ландшафтном генезисе планировки Загорска В.И. Монахова (1949) предвзает осторожной оговоркой: «пусть это покажется пристрастным суждением физико-географа» [34, с. 156]. Но уже И.М. Маергойз (1950) уверенно объясняет полицентричность Киева дробной гидрографией и холмистым рельефом местности, усиленной физическими препятствиями для развития городского транспорта: «отдельные части города до известной степени представляли собой как бы местные самостоятельные планировочные системы» [30, с. 58–59].

Более поздней тенденцией стало объединение города и его ареала при физико-географическом районировании (Н.Е. Дик и А.И. Соловьёв районировали Москву и Подмосковье раздельно). По «достаточно резким» особенностям рельефа С.М. Луко-

янов (1957) выделил четыре физико-географических района, охватывающих Ленинград и окрестности (побережье Финского залива, Силурийское, или Ижорское плато, Приневская низина, холмисто-камовый район) [28]. На смену отраслевым картам приходит комплексное ландшафтное картирование: А.Г. Исаченко (1976) выявил единство центральной части Ленинграда и различия ландшафтов в городской и пригородной периферии [19, с. 120–121]. Обширная работа по физико-географическому районированию выполнена при подготовке атласов Ленинграда (1977) [27] и ряда других городов. Направление продолжается благодаря развитию геоинформационных технологий и экологии.

Экономико-географическое (плановое) районирование (А.А. Минц, Ю.Г. Саушкин, Н.Я. Ковальская, А.В. Даринский и др.)

По свидетельству О.Э. Бухгольц и И.М. Маергойза исследования «на основании различий в функциях разных частей города» без статистических данных предпринимались в дипломных работах выпускниц МГУ Х. Чекпасовой (Таллин, 1953), Т.Г. Черниковой (Горький, 1957), Т.Г. Гапоновой (Новосибирск, 1959) [11, с. 345].

В академической литературе направление возникает в период подчинения науки новой догме – программе строительства коммунизма¹⁰. Район рассматривается как комплексный, функциональный, значительный по территории. Процедура районирования (по Н.Я. Ковальской) сводится к анализу размещения материальных объектов (промышленности, транспорта, селитьбы, сетей обслуживания, зон отдыха и оздоровления и т.д.), выявлению особенностей их сочетаний в различных частях города, изучению форм расселения и выработке рекомендаций по реконструкции города и его частей [21, с. 210].

Первое районирование города по методике районной школы дал А.А. Минц (1962). Полагая, что образование отличных друг друга частей Москвы обусловили «разновременность возникновения и вхождения в состав города, несходство функций, характера планировки и застройки», он выделил 6 экономико-географических районов (Центральный, Юго-Западный, Западный, Северный, Восточный, Юго-Восточный), сгруппированных из административных районов [32, с. 289–295]. На основе анализа этой схемы

Ю.Г. Саушкин (1964) описал 5 районов, включив Восточный, т.к. «в тех границах, как его выделил А.А. Минц, он не имеет достаточной экономической целостности» [49, с. 195].

Вопреки основной задаче районной школы (преобразование экономики) на внутригородском уровне работы носят описательный характер, трансформационные мотивы ограничены балансом трудовых ресурсов, в частности, насыщением «спальных» районов местами приложения труда. Характерное для районной школы использование единиц АТД в качестве операциональных ячеек на внутригородском материале приобрело механический характер, вносило существенные искажения в научный результат. Так признание «значительных внутренних различий» [15, с. 98] не позволило А.В. Даринскому (1982) говорить о районировании Ленинграда, ограничившись группировкой районов (центральные, островные, северные и северо-восточные, южные и западные, пригородные). Лимитированные возможности метода не привели к его дальнейшему развитию.

III этап (переход от анатомии к физиологии города). Очевидные дисфункции традиционных методов, ослабление догм и гуманизация общественных наук стимулируют возвращение географов к оценке социальных процессов, поиск объективных измеримых данных. В силу единства основной научной задачи – познания и интеграции различных процессов, влияющих на образование внутригородских структур, мы объединяем эти зачастую разные по методологии исследования под эгидой интегрального районирования.

Интегральное районирование (О.Э. Бухгольц, И.М. Маергойз, Н.Б. Барбаиш, В.В. Анненков, О.П. Литовка, В.Н. Пересекин и др.)

Первым опытом можно признать исследования О.Э. Бухгольц и И.М. Маергойзом (1960) городов-спутников Москвы (Дмитров, Ивантеевка, Красногорск, Мытищи, Реутов) по заказу ЦНИИП градостроительства. Исходя из гипотезы, что «занятия населения и характер трудовых поездок являются одним из факторов микрорайонирования территории города» [11, с. 338], авторы проанализировали данные домовых книг (содержали социально-демографические и трудовые сведения о жильцах) и картотеки

¹⁰ Характерно название сборника: [21].

отделов кадров предприятий, дополнили их устными опросами управдомов и жителей и выделили на крупномасштабной карте внутригородские районы, отражающие различия в хозяйственной деятельности, структуре населения и транспортных связях жителей. В Мытищах по различиям функций (отраслевой занятости населения) и трудовой зависимости от Москвы выделены пять районов (Старые Мытищи, Новые Мытищи, Тайнинка, Перловка, Строитель). Выявлено, что в других городах в силу меньшей людности «картина внутренних различий <...> далеко не столь яркая» [там же, с. 342]. Даже будучи лимитированы особенностями полигонов (зависимое пристольное положение, небольшая площадь территории, включения отдалённых посёлков), методы и результаты исследования стали прорывными для своего времени.

Исследование крупного города (Киев) провёл В.Н. Пересекин (1984). Он рассматривал город как территориальный комплекс и форму территориальной организации производства и расселения, а интегральный район как «объективно существующее (реально сложившееся) сочетание мест и видов деятельности населения, средств и условий её осуществления» [35, с. 5], делимитируемое пространственными циклами жизнедеятельности людей. На основе анкетного обследования организаций и обобщённых по 132 территориальным ячейкам статистических, картографических, исторических и экспедиционных данных В.Н. Пересекин выделил пять интегральных районов Киева (Центральный, Западный, Северный, Южный, Восточный). Сдвиг по отношению к АТД (12 районов) и наличие дробных частей городского комплекса на подрайонном уровне требовали, по мнению автора, деконцентрации территориальной организации города и введения управленческого звена на уровне интегральных районов (т.н. «межрайонные комиссии»).

Ограниченные результаты делимитации суточных циклов населения требовали вовлечения новых дифференцирующих признаков. Так В.В. Анненков и О.П. Литовка (1980) считали, что аналитическое районирование должно «положить на карту» ареалы действия разнородных процессов, составляющих механизм функционирования города» [3, с. 448]. В этой концепции интеграция

разнородных объектов (население, экономическая база, социально-культурная и физическая среда) и процессов (историческая эволюция городского организма, внешние и внутренние факторы развития города, эффективность потребления ресурсов (прежде всего земли), состояние городской среды) дополняется интеграцией дисциплинарных (география, история, экономика, социология и др.) и методологических подходов (фундаментальный и прикладной, содержательный и формальный, морфологический и функциональный, синхронный и диахронический).

Заметную роль в поиске дифференцирующих признаков сыграла работа над моделью факторной экологии города. Три графологические модели организации территории города Ю.В. Медведкова (1978) основаны на изучении взаимодействия систем (природы, экономики, техники и др.) и принципе территориальности, понимаемом как «двухсторонний процесс изменения территории в ходе её использования людьми, а также групповых свойств людей, использующих территорию» [31, с. 73]. Дифференциации Москвы проведена на основе факторной структуризации 28 переменных, отражающих оценку освоения территории, функционального баланса застройки, плотности культурно-бытовой сети, транспортных коммуникаций, привлекательности районов при обмене жилья и др. Данные по 423 ячейкам (градостроительным элементам) обобщены по 29 районам АТД (образца 1968–1977 гг.) и 8 зонам, частичное изменение АТД в 1977 г. девальвировало результаты к моменту публикации. Н.Б. Барбаш и А.Э. Гутнов (1979) расширили набор до 56 переменных, включая эстетические, и рассмотрели результаты для 423 ячеек [7]. Н.Б. Барбаш (1980) выявлены 12 колец и 12 секторов Москвы, различные по характеристикам организации территории [8]. Попытки выявления внутригородских территориальных структур широко представлены в сборниках 1980-х гг. [33; 41], ячейками вместо административных становятся жилые районы и микрорайоны (например, Ясе-нево в Москве).

Исследования, вооружённые статистическими и социологическими методами, не перешли к районированию в рассматриваемый период, но заложили базу для развития принципиально новых направлений познавательного районирования после крушения

Таблица 1. Типология исследовательских направлений районирования города в советской географии

Направление	Период	Парадигма районирования (по В.Л. Катанскому [20])	Представление района	Операционные территориальные единицы	Методика	Форма представления результатов	Цель районирования
Промышленно-географическое	кон. 1930 – нач. 1940	комплексная симметричная (А + Б)	промышленный (локальный ТПК)	территории предприятий	аналитическая ретроспективная	картосхема	объяснительная + преобразовательная (производственное комплексобразование)
Историко-географическое	кон. 1940 – наст.вр.	онтологическая	исторически сложившийся градостроительный	кварталы	описательная ретроспективная	описание или картосхема	познавательная
Физико-географическое	кон. 1940 – наст.вр.	онтологическая	физико- географический (отраслевой либо ландшафтный)	природные территориальные выделы	аналитическая типологическая	карта	познавательная
Экономико-географическое (плановое)	нач. 1960 – кон. 1980	социо- конструктивная	комплексный экономический	административно- территориальные единицы	аналитическая конструктивная	картосхема	преобразовательная (социально- экономическое комплексобразование)
Интегральное	нач. 1960 – кон. 1980	комплексная гетерономная (А + Г) ^б	локальная территориальная система	административно- территориальные единицы, жилые районы, ячейки координатной сетки	аналитическая статистическая	картосхема	преобразовательная (развитие территории)

Составлено автором.

идеологических ограничений; так методы факторной экологии использованы в разработке неравномерно районированной модели города с участием Н.Б. Барбаш (1991).

Выводы. Внутригородское районирование имеет традицию в советской социально-экономической географии. Основные полигоны исследований продиктованы концентрацией специалистов: Москва и Подмосковье, Ленинград, Киев.

На первом этапе (сер. 1920-х – сер. 1930-х гг.) разрабатываются общие теоретические принципы дифференциации города, территориальные, социальные и культурные различия рассматриваются во взаимосвязи, исследования носят междисциплинарный характер с ведущей ролью краеведения («географии места»).

На втором этапе (сер. 1930-х – нач. 1960-х гг.) в условиях ужесточения идеологических ограничений районирование сводится к анатомии города: районирование материальное пространство, комплексные исследования редуцированы в функциональные, социальные и гуманитарные вопросы отвергнуты, взгляды географов обращены в прошлое. Складываются четыре направления: промышленно-, историко-, физико- и экономико-географическое (плановое), первое и последнее из которых не нашли продолжения за пределами периода.

Социализация и гуманизация исследований на третьем этапе (нач. 1960-х – кон. 1980-х гг.) формируют запрос на изучение

физиологии города, ведётся поиск измеримых дифференцирующих признаков, но общепринятая методология не выработана.

Познавательное районирование города в советской географии оперировало всеми парадигмами, выделенными В.Л. Каганским [20] для районирования в целом (за исключением ментальной): конструктивной (А), семиотической (Б), онтологической (В) и социоконструктивной (Г), в ряде случаев прибегая к их синтезу. Сравнительный анализ дополнен конкретизацией признаков каждого направления исследований (табл. 1).

Значительный ущерб исследованиям нанесли догматизм (работы третьего этапа во многом повторяли «критическую переработку гипотез, возникших в 1920–1930-х гг. [3, с. 447]) и автаркия от международного научного процесса (преодоление началось лишь в 1970-е гг.).

Несмотря на это, исследователи вырабатывали целый ряд передовых идей (полицентризм города Н.П. Анциферова, субъективное восприятие районов и визуальный анализ облика города В.В. Покшишевского, интеграция физической микрогеографии и топонимики города Н.Е. Дика и др.), требующих внимания и достойной оценки современных исследователей.

Благодарности. Автор благодарит зам. директора Костромского музея-заповедника по научной работе, кандидата исторических наук И.С. Наградова за сведения о труде Н.С. Сумарокова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андронов В.П.* Статистическая записка о Москве. М.: тип. С. Селивановского, 1832. 185 с.
2. *Анненков В.В.* Историзм территориальной организации города // Урбанизация и формирование системы расселения. М.: МФГО СССР, 1978. С. 35–42.
3. *Анненков В.В., Литовка О.П.* Географическое исследование территориальной организации города // Изв. ВГО. 1980. Т. 112. Вып. 5. С. 446–451.
4. *Анциферов Н.П.* Город, как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1926. 224 с.
5. *Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 584 с.
6. *Баранский Н.Н.* Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. Сб. 2. М.: Географгиз, 1946. С. 19–62.
7. *Барбаш Н.Б., Гутнов А.Э.* Градостроительные аспекты территориальной организации Москвы // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1979. № 2. С. 53–67.
8. *Барбаш Н.Б.* Территориальное соотношение мест с дополняющими функциями в г. Москве // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1980. № 3. С. 53–66.
9. *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб.: СПб филиал Архива РАН, 1997. 414 с.
10. *Буданов В.П.* Географическое изучение города (Из опыта школьной краеведческой работы) // Вопросы географии в новой школе. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1926. С. 131–150.
11. *Бухгольц О.Э., Маергойз И.М.* Крупномасштабное изучение городов // Методы географических исследований. М.: Географгиз, 1960. С. 333–345.
12. *Вендина О.И.* Микрогеография городов и проблемы городской среды // СССР–СНГ–Россия: география населения и социальная география. 1985–1996. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 112–125.

13. Гревс И.М. Город как предмет школьного краеведения // Вопросы краеведения в школе. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925. С. 64–87.
14. Гревс И.М. Городские ландшафты (этюды из культурной географии) // Вопросы географии в новой школе. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1926. С. 102–130.
15. Даринский А.В. География Ленинграда. Л.: Лениздат, 1982. 190 с.
16. Дик Н.Е., Лебедев В.Г., Соловьёв А.И., Спиридонов А.И. Рельеф Москвы и Подмосковья. М.: Географгиз, 1949. 196 с.
17. Дмитриев А.Л. «Дело В.Э. Дэна»: трагические последствия // Изв. РГО. 1999. Т. 131. Вып. 2. С. 54–58.
18. Зиман Л.Я. Об основных задачах экономической географии // Труды Первого Всесоюзного географического съезда (11–18 апреля 1933 г.). Вып. 2. Л.: Изд. Гос. геогр. общ-ва, 1934. С. 122–129.
19. Исаченко А.Г. Прикладное ландшафтоведение. Ч. 1. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1976. 152 с.
20. Каганский В.Л. Основные практики и парадигмы районирования // Региональные исследования. 2003. № 2. С. 17–30.
21. Ковальская Н.Я. Крупномасштабное изучение городов // Советская география в период строительства коммунизма. М.: Географгиз, 1963. С. 203–212.
22. Козлов В.Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вестн. РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 9 (110). С. 53–83.
23. Константинов О.А. Географическое изучение городских поселений в СССР // География населения в СССР (основные проблемы). М.–Л.: Наука, 1964. С. 32–66.
24. Константинов О.А. К вопросу об экономико-географическом изучении городов СССР (критические заметки) // Труды геогр.-экон. науч.-исслед. ин-та. Сер. экон.-геогр. Вып. 2. Л., 1934. С. 8–33.
25. Константинов О.А. Проблемы экономико-географического изучения городов СССР // Труды Первого Всесоюзного географического съезда (11–18 апреля 1933 г.). Вып. 4. Л.: Изд. Гос. геогр. общ-ва, 1934. С. 67–95.
26. Лазаренко В.А. Подходы к изучению города в отечественной социально-экономической географии // Теоретические и методические подходы в экономической и социальной географии. М.: Геогр. ф-т МГУ, 2019. С. 80–95.
27. Ленинград. Историко-географический атлас. М.: ГУГК при СМ СССР, 1977. 120 с.
28. Лукоянов С.М. Природа Ленинграда и его окрестностей (физико-географическое описание). Л.: Лен. отд. общ-ва по распр. полит. и науч. знаний РСФСР, 1957. 52 с.
29. Ляликов Н.И. О географическом изучении города // Город и район как объекты географического изучения. Под ред. Р.М. Кабо / Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Т. LIV. Вып. 1. М., 1949. С. 135–152.
30. Марченко И.М. Киев – столица Украинской ССР. М.: Географгиз, 1950. 72 с.
31. Медведков Ю.В. Человек и городская среда. М.: Наука, 1978. 215 с.
32. Минц А.А. Территория Москвы, особенности её планировки и застройки, внутренние различия // Центральный район. Экономико-географическая характеристика. М.: Географгиз, 1962. С. 284–295.
33. Методы изучения расселения. М.: Ин-т географии АН СССР, 1987. 239 с.
34. Монахова В.Н. К вопросу о физико-географическом изучении города (по материалам комплексной полевой практики в гор. Загорске) // Город и район как объекты географического изучения. Под ред. Р.М. Кабо / Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Т. LIV. Вып. 1. М., 1949. С. 153–157.
35. Пересекин Ю.В. Особенности формирования интегральных районов крупного города (на примере г. Киева): автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 11.00.02 / Киевский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. Киев, 1984. 16 с.
36. Покишишевский В. Ленинград. Опыт внутригородской краеведной характеристики (в порядке обсуждения) // Советское краеведение. 1931. № 6. С. 14–24.
37. Покишишевский В.В. Некоторые вопросы микрогеографического изучения городов СССР // Географический сборник. Вып. IX. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 90–109.
38. Покишишевский В. О проблеме внутригородской хозяйственной географии // Коммунальное дело. 1929. № 7. С. 35–40.
39. Покишишевский В.В. Территориальное формирование промышленного комплекса Петербурга XVIII–XIX вв. // Вопросы географии. Сб. 20: Историческая география СССР. М.: Географгиз, 1950. С. 122–162.
40. Покишишевский В.В. Территориальные условия формирования промышленного комплекса Петербурга – Ленинграда: дисс. ... канд. геогр. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л., 1941. 477 с.
41. Прикладные социально-географические исследования (Тарту, 26 января 1984 г.): тезисы докладов респ. семинара совещания. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1984. 303 с.
42. Пузанов К.А. Внутригородская организация общества на примере США, России и стран Европейского Союза: дисс. ... канд. геогр. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2011. 232 с.
43. Рихтер И.Г. Москва: начертание (пер. с нем.). СПб.: Имп. Академия наук, 1801. 51 с.
44. Родман Б.Б. Районирование как обладание пространством // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 4–12.
45. Саушкин Ю.Г. Микрогеография Москвы // География в школе. 1947. № 2. С. 31–42.
46. Саушкин Ю.Г. Москва. М.: Географгиз, 1950. 87 с.
47. Саушкин Ю.Г. Москва. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Географгиз, 1953. 190 с.
48. Саушкин Ю.Г. Москва: Географическая характеристика. [3-е изд.]. М.: Географгиз, 1955. 192 с.
49. Саушкин Ю.Г. Москва: Географическая характеристика 4-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль,

1964. 240 с.
50. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.
51. Страхов К.А. Сталинский джерримендеринг. Как Ленинград разделили на районы в 1936 году // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 2. С. 35–60. DOI: 10.17323/usp72202235-60.
52. Сумароков Н.С. Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии. 1805–1812 гг. / Костромской музей-заповедник. ОФ-3933. Л. 9об–11.

Статья поступила в редакцию журнала 2 февраля 2023 г.

Сведения об авторе:

Страхов Кирилл Александрович – исполнительный директор Фонда развития городского самоуправления «1870», г. Санкт-Петербург; аспирант Института географии РАН, г. Москва.

Для цитирования:

Страхов К.А. Территориальная дифференциация и районирование города в исследованиях советской географии (1920–1980-е гг.) // Региональные исследования. 2023. № 2. С. 90–100.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-2-8

**Intracity territorial differentiation and zoning
in Soviet geography studies (1920s-1980s)**

K.A. Strakhov

*City Self-governance Development Foundation «1870», St. Petersburg, Russia
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: k-strakhov@yandex.ru*

There is an opinion in the scientific literature that intracity zoning has no tradition in Russian geography. This misconception is refuted in this article: a bibliography of the Soviet geographers' works on intracity territorial differentiation and zoning was collected and systematized, and the formation of the main directions of research was traced. As the author shows, at the first stage (mid-1920s – mid-1930s) the general theoretical ideas about the principles and methods of urban differentiation were developed, intraurban economic, social and cultural differences were considered in interrelation, research was interdisciplinary in nature with the leading role of local study ("geography of place"). At the second stage (mid-1930s – early 1960s) in the conditions of tightening ideological restrictions zoning was reduced to the city's anatomy: material space was zoned, complex studies were reduced to functional, social and humanitarian issues were discarded, the geographers views were turned to the past. There were four directions of city zoning: industrial, historical, physical and economic-geographical (planned), the first and last didn't find continuation outside of the period. The socialization and humanization of research at the third stage (early 1960s – late 1980s) formed a request for study of the city's physiology, the search for measurable differentiating features continued, but a generally accepted methodology wasn't developed. The article emphasizes the relevance of the leading Soviet scientists' ideas (N.P. Antsiferov, V.V. Pokshishevsky, N.E. Dik, etc.). Those ideas were often significantly ahead of their time.

Keywords: intracity zoning, intracity territorial differentiation, urban microgeography, geourban studies, city, district, Soviet geography.

Received 02.02.2023